

18+

Юрий Драздов

Манакон. Арка 2

Юрий Драздов

Манакоп. Арка 2

<https://litres.ru/74150349>

ISBN 9785007005845

Аннотация

Кай — бывший инквизитор, прослуживший Системе 30 лет. После того как его магический дар даёт сбой во время рядовой операции, система мгновенно переводит его в статус «Подозрительный». Теперь у него всего несколько минут, прежде чем отряд зачистки «Белые Плащи» настигнет его. Но Кай не намерен сдаваться: он чувствует, что стал жертвой диверсии — кто-то намеренно подорвал его контроль над маной.

Пытаясь скрыться в заброшенных катакомбах нижних ярусов, он находит таинственного узника Архонта.

Содержание

Глава 1: Технология рабства	5
Глава 2: Лицензия на жизнь	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Манакоп. Арка 2

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-0584-5 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0543-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: Технология рабства

1

Кай проснулся не от звука и не от прикосновения — его разбудила сама тишина. Та особая, глубокая тишина, которая бывает только в местах, изолированных от Системы настолько тщательно, что даже вездесущий гул протоколов сюда не проникал. Он открыл глаза и увидел над собой не каменный свод убежища, где засыпал, а нечто иное — потолок, сложенный из гигантских обсидиановых плит, между которыми пульсировали тонкие, едва заметные линии бледно-голубого света. Эти линии не были магическими в обычном понимании — они не излучали энергию, которую можно было измерить в киловатт-часах, — но они жили. Дышали. Перетекали друг в друга, создавая причудливые узоры, напоминающие одновременно электрическую схему и древний манускрипт.

Он сел, опираясь на локти, и огляделся. Помещение, в котором он находился, было огромным — гораздо больше, чем зал с чашей, где его принимала Эпсилон, и гораздо старше, чем ангар Сектантов. Это была пещера, но не естественного происхождения — её стены носили следы обработки, которая не могла быть делом человеческих рук. Они были слиш-

ком гладкими, слишком правильными, слишком... спроектированными. Как будто тот, кто создавал это место, мыслил не категориями архитектуры, а категориями кода — и камень подчинялся ему так же послушно, как строки программы.

Вдоль стен пещеры, на массивных каменных постаментах, выстроились устройства. Некоторые из них Кай узнал — осциллографы, анализаторы спектра, генераторы сигналов, — такие же древние и довоенные, как те, что он видел в ангаре. Но были и другие. Станные, ни на что не похожие механизмы, собранные из обсидиановых осколков, медных катушек, стеклянных сфер с вращающимися внутри сгустками света и ещё каких-то компонентов, назначение которых он не мог даже предположить. Всё это соединялось в единую сеть проводами — не аккуратными кабелями Системы, а грубыми, самодельными жгутами, в которых соседствовали оплётка из спектральной ткани и обычная медная проволока.

Но самым поразительным было не оборудование, а то, как всё это выглядело в его новом, аурном зрении. Кай моргнул — и мир перед ним раздвоился. Физический слой остался прежним: камни, металл, стекло, провода. Но поверх него, как вторая экспозиция, наложенная на первую, проступил магический слой. Бледно-голубой фон, который он впервые увидел в резонаторе, здесь тёк не просто свободно — он тёк

целенаправленно. Как будто само это место было построено для того, чтобы направлять естественную ману, концентрировать её, усиливать. И главное — здесь почти не было чёрных, гниющих наростов Системы. Только в самых дальних углах пещеры, у входов в туннели, ведущие на поверхность, виднелись слабые, едва заметные пятна паразитической магии — но и они казались засохшими, мёртвыми, словно само это место отторгало их.

«Алтарь», — пронеслось в голове у Кая. Он не знал, откуда взялось это слово, но оно идеально подходило. Это место было не просто убежищем — оно было святилищем. Святилищем технологии, которая не принадлежала Системе.

Он опустил взгляд на свои руки. Бинты на ладонях, покрытые засохшей кровью и грязью, казались чужими. Пальцы всё ещё сжимали Копию свитка — тот самый малый свиток, который Ноль дала ему перед тем, как оставить одного. За ночь край пергамента истрепался, а на поверхности появились новые пятна — следы его пальцев, испачканных в машинном масле, которым были смазаны шестерёнки какого-то устройства, что он машинально вертел в руках, погружённый в изучение рун. Он не помнил, когда именно заснул. Последнее, что осталось в памяти, — это строки на Языке Создателей, складывающиеся в узор, который был одновременно и заклинанием, и инструкцией, и... молитвой?

«Что ты готов отдать?» — этот вопрос пульсировал в его сознании, как второй пульс. Он знал ответ. Он сказал его Ноль. Но знать — это одно, а прочувствовать — совсем другое. Он понимал, что между ним и ядром Системы всё ещё стоит Барьер, и Барьер этот будет проверять не правильность его слов, а их вес. Их истинность. Их необратимость.

Он аккуратно свернул Копию и убрал её в нагрудный карман, туда, где уже лежали сломанный жетон отца, сфера Архивариуса и чёрная лента, которую дала ему Ноль. Карман оттопыривался, и ткань куртки, изношенная до предела, грозила вот-вот лопнуть. Но Кай не обращал на это внимания. Все эти предметы были не просто вещами — они были ключами. Ключами к разным дверям, которые ему ещё предстояло открыть.

— Ты проснулся.

Голос Ноль раздался откуда-то из глубины пещеры — не громкий, не властный, но наполненный той особой, спокойной уверенностью, которая была свойственна ей одной. Кай повернул голову и увидел её. Она стояла у одного из каменных постаментов, положив руку на массивный осциллограф, экран которого пульсировал бледно-голубыми волнами. Её поза была прямой и неподвижной, как всегда, а слепая по-

вязка, поглощающая свет, была обращена прямо к нему.

Сегодня её аура была другой. Кай заметил это сразу, ещё до того, как осознал, что именно изменилось. Внешние слои, обычно спокойные и бледно-голубые, сейчас переливались серебристыми искрами — как будто по ним проходили электрические разряды. А внутренний золотой сгусток, «семья», которое она носила в себе, пульсировал быстрее и ярче, чем вчера. Не тревожно — скорее, возбуждённо. Как мотор, который прогревают перед стартом.

— Ты готова, — произнёс Кай, и это был не вопрос. — Ты что-то задумала.

Ноль усмехнулась своей кривой, горестной усмешкой.

— Мы все здесь что-то задумали, инквизитор. Иначе мы не были бы теми, кто мы есть. — Она оторвала руку от осциллографа и сделала шаг к нему. — Но ты прав. Сегодня я покажу тебе то, чего ты никогда не видел. То, что изменит твоё понимание войны, которую ты ведёшь. Ты знаешь, что сказать Барьеру. Ты знаешь, как настроить ауру. Но ты не знаешь, зачем это всё. Ты видел карту, но не видел саму битву.

Она повернулась и указала на проход в дальнем конце пе-

щеры — узкую арку, выложенную из того же чёрного обсидиана, что и всё вокруг.

— Идём. Шёпот ждёт нас в мастерской. Пора показать тебе главную технологию рабства. И главную технологию свободы.

2

Мастерская, в которую Ноль привела Кая, оказалась ещё более странным местом, чем Алтарь. Если Алтарь был святилищем — местом, где магия и технология сплетались в гармоничный узор, — то мастерская была... лабораторией? Мастерской? Или, может быть, операционной? Кай не мог подобрать точного слова.

Это было помещение меньшего размера, освещённое не лампами, а странными стеклянными сферами, внутри которых вращались сгустки бледно-голубого света — такие же, как те, что он видел в резонаторе. Сферы были расставлены по углам и свисали с потолка на грубых цепях, создавая причудливую игру теней на обсидиановых стенах. В центре мастерской стоял массивный металлический стол — не ржавый, как всё в промзоне, а ухоженный, смазанный, покрытый царапинами, но явно рабочий. На столе громоздились приборы, детали, инструменты — всё в том хаотичном порядке,

который понятен только мастеру.

Шёпот уже был там. Он склонился над каким-то устройством, похожим на помесь осциллографа с астролябией, и его пальцы, покрытые шрамами и светящимися бледно-голубыми линиями, быстро и точно перебирали какие-то контакты. При появлении Кая и Ноль он поднял голову и кивнул — коротко, сдержанно, как всегда.

— Готово, — сказал он, и его голос, приглушённый и сухой, прозвучал в тишине мастерской почти как шёпот. — Я подключил планшет инквизитора к анализатору. Можно начинать.

Кай нахмурился.

— Мой планшет? — Он машинально потянулся к нагрудному карману, но тот был пуст. — Когда вы успели его взять?

— Пока ты спал, — спокойно ответила Ноль. — Не волнуйся, мы не повредили его. Шёпот установил параллельный интерфейс — твой планшет продолжает работать как обычно. Но теперь мы можем видеть то, что видит он, на большом экране. — Она указала на стену позади металлического стола, где из темноты проступил огромный монитор — не голографический, не плазменный, а какой-то странный ги-

брид, собранный из нескольких старых экранов, соединённых в один. — Садись. Сейчас ты увидишь то, что Система прячет от своих пользователей с самого первого дня.

Кай подошёл к столу и опустился на грубый деревянный табурет. Шёпот протянул ему планшет — экран светился знакомым тусклым светом, а в левом верхнем углу пульсировала шкала Коэффициента Благонадёжности: «-2,8». Цифры продолжали падать, хотя и медленнее, чем раньше. Метка всё ещё действовала, но «Шкура Призрака», которую Ноль набросила на него вчера, глушила её сигнал достаточно, чтобы он оставался невидимым для большинства сканеров.

— Посмотри на экран, — сказала Ноль, указывая на большой монитор на стене.

Кай перевёл взгляд и увидел то же самое, что отображалось на его планшете — интерфейс Системы, с его иконками, шкалами, сводками погоды и уведомлениями о штрафах, — но в каком-то другом режиме. Поверх стандартного изображения было наложено что-то вроде тепловой карты: всё пространство вокруг них было пронизано тонкими золотыми линиями, которые пульсировали, разветвлялись, переплетались, создавая сложнейшую сеть.

— Это — Тарификация, — произнесла Ноль, и её голос

стал жёстким, почти металлическим. — Не просто учёт маны, не просто система штрафов. Это — карта слежки. Каждая золотая линия, которую ты видишь, — это активный протокол. Сейчас он в пассивном режиме, просто сканирует пространство. Но если кто-то — например, ты — использует ману без лицензии, протокол мгновенно активируется. Смотри.

Она подняла с пола обычный камень — небольшой, серый, ничем не примечательный, — и положила его на стол перед Каем.

— Это просто камень, — сказала она. — В нём нет магии. Но я сейчас вложу в него крошечную искру — примерно столько маны, сколько нужно, чтобы подогреть суп. Наблюдай за экраном.

Ноль вытянула руку над камнем. Её пальцы, тонкие и бледные, слегка задрожали — не от напряжения, а от концентрации, — и с них сорвалась крошечная, едва заметная искра бледно-голубого света. Она коснулась камня, и тот на мгновение засветился — слабо, как тлеющий уголёк, — а затем погас.

И в этот момент экран взорвался.

Кай отдёргнулся, не веря своим глазам. Золотые линии, которые только что были тонкими и едва заметными, мгновенно запульсировали, становясь ярче, толще, агрессивнее. От них отделились десятки, сотни ответвлений, которые потянулись к точке, где находился камень. На интерфейсе планшета всплыли уведомления — одно за другим, с бешеной скоростью:

«НЕАВТОРИЗОВАННАЯ МАГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ. КООРДИНАТЫ: [ЗАФИКСИРОВАНЫ].»

«НАРУШЕНИЕ ПРОТОКОЛА 3-А: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАНЫ БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ. ШТРАФ: 5 000 КВТ-Ч.»

«НАРУШЕНИЕ ПРОТОКОЛА 7-С: ПРЕПЯТСТВОВАНИЕ ТАРИФИКАЦИИ. ШТРАФ: 10 000 КВТ-Ч.»

«ПРОТОКОЛ СЛЕЖЕНИЯ АКТИВИРОВАН. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЦЕЛИ...»

«ПРОТОКОЛ ПОДАВЛЕНИЯ АКТИВИРОВАН. ОЖИДАНИЕ РАЗРЕШЕНИЯ...»

И всё это — за одно-единственное крошечное заклинание. За искру, которая даже не могла обжечь.

Кай смотрел на экран и чувствовал, как внутри него нарастает холод. За четыре года службы он выписал сотни штрафов. Тысячи. Он накладывал дебаффы, блокировал лицензии, отправлял людей в изоляторы. Но он никогда не видел этого. Никогда не видел, как именно Система фиксирует нарушение. Как она мгновенно, безжалостно, с точностью, которую не мог обеспечить ни один инквизитор, накидывается на нарушителя, окружает его, метит, готовится подавить.

— Вот так это работает, — произнесла Ноль тихо. — Ты видишь не просто штраф. Ты видишь, как Система метит ауру кастующего. Каждое заклинание, каждый расход маны, каждая попытка использовать свой собственный дар делает тебя ярче на её радарх. Как мишень. Как зверя, на которого уже спустили собак.

— Но как же... — Кай запнулся, подбирая слова. — Как твоя мать лечила людей? Если каждое заклинание вызывает такую реакцию, она должна была попасться в первый же день.

— Она почти попалась. — Ноль убрала руку от камня, и её аура, видимая Каю, на мгновение потемнела — от печали? от гнева? — Она использовала дозы маны, которые были ниже порога срабатывания Тарификации. Крошечные,

почти гомеопатические. Чтобы залечить рану, ей требовался не час, а неделя. Чтобы снять боль, она должна была сидеть с больным всю ночь, вкладывая в него ману по капле. Это было медленно. Мучительно. Но это было безопасно — до поры до времени.

— Что случилось потом?

— Потом Система понизила порог срабатывания. — Ноль сжала кулаки. — Она постоянно делает это. Каждый год, каждый месяц, каждую неделю. Порог становится всё ниже. То, что вчера было ниже уровня детекции, сегодня уже видно. Моя мать не знала об этом. Она продолжала лечить так же, как всегда, — и однажды её зафиксировали. А дальше ты знаешь.

В мастерской воцарилась тишина. Кай смотрел на камень, всё ещё лежавший на столе, и думал о том, сколько таких камней — таких крошечных, незаметных нарушений — он сам зафиксировал за четыре года. Сколько старух, подогревавших суп, получили штрафы, которые он выписал. Сколько миссис Грет, у которых не было денег на оплату лицензии, потеряли тепло из-за его протоколов. Он был частью этой сети. Частью этой паутины, которая мгновенно реагировала на каждую искру магии, как хищник на запах крови.

— Но есть и кое-что ещё, — продолжила Ноль, и её голос стал жёстче. — Тарификация — это не просто слежка. Это — активное подавление. Смотри.

Она указала на большой экран, где один из участков золотой сети был выделен и увеличен. Кай взгляделся и увидел нечто, чего не замечал раньше. Золотые линии не просто фиксировали факт нарушения — они взаимодействовали с аурой нарушителя. Точнее, с той точкой на экране, которая, как он понял, обозначала его собственную ауру. Линии оплетали её, сжимали, как удав, и от них исходили какие-то помехи — мелкие, едва заметные, но явно воздействующие на саму структуру магического поля.

— Что это? — спросил он.

— Дебафф, — ответил Шёпот, не отрываясь от своего прибора. — Вернее, его эмбриональная форма. Тарификация не просто сообщает Системе о нарушении. Она начинает подавлять нарушителя ещё до того, как инквизитор выпишет штраф. Медленно, незаметно, но неуклонно. Каждое неавторизованное заклинание ослабляет твои каналы. Уменьшает твой резерв. Делает тебя более уязвимым для следующих штрафов. Это замкнутый круг: чем больше ты используешь магию без лицензии, тем слабее становишься, и тем труднее тебе оплатить лицензию, чтобы использовать магию легаль-

но.

— Иными словами, — добавила Ноль, — твой собственный дар становится на тебя же наручниками. Акт творения превращается в акт доносительства на самого себя. Ты не можешь колдовать, не став видимым. Ты не можешь стать видимым, не получив штраф. Ты не можешь оплатить штраф, не заработав деньги. А чтобы заработать деньги, тебе нужна лицензия, на которую у тебя нет денег. Это и есть технология рабства. Не цепи. Не ошейники. А математически выверенный, идеально просчитанный механизм, который превращает саму твою суть — твою ману, твою жизнь, твою способность творить — в улику против тебя же.

Кай молчал. Он вспомнил Ларса — парня из бара «Сбой», который использовал «Плакальщик», чтобы рисовать светящиеся граффити. Вспомнил, как тот кричал, что магия — это свобода. Вспомнил, как его каналы перегорели один за другим, превратив его в мутанта. Тогда Кай думал, что виноват «Плакальщик» — пиратский свиток, который нельзя использовать без подготовки. Но теперь он понимал: «Плакальщик» был не единственной причиной. Пока Ларс рисовал свои картины, Тарификация в реальном времени подавляла его, ослабляла, сжигала его резерв. «Плакальщик» просто довершил начатое.

— Значит, любой, кто использует магию без лицензии, обречён? — спросил он, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно. — Даже если он знает, как обращаться с магией, даже если он готов к риску, Система всё равно убьёт его? Медленно, незаметно, но убьёт?

Ноль посмотрела на него своей слепой повязкой, и в её ауре, видимой Каю, мелькнуло что-то похожее на... сочувствие?

— Да, — сказала она. — Именно так. Поэтому мы здесь. Поэтому мы создали то, что я сейчас покажу тебе. Тарификация — это основа власти Системы. Без неё штрафы, лицензии, дебаффы — всё это теряет смысл. И мы нашли способ отключить её.

3

Шёпот подвёл Кая к дальнему концу мастерской, где стояло устройство, которое он сразу не заметил — потому что оно занимало почти всю стену и казалось её частью. Огромное, в два человеческих роста, оно было сложено из медных катушек, обсидиановых осколков, вращающихся стеклянных сфер и сотен, если не тысяч, тонких проводов, которые тянулись от него во все стороны, исчезая в темноте.

Внешне оно напоминало сумасшедший орган — те самые музыкальные инструменты, которые Кай видел только на старых фотографиях в архивах Академии, — но его трубы были сделаны не из металла, а из какого-то полупрозрачного материала, который одновременно и поглощал, и излучал свет. Свет этот был не золотым, не багровым, а бледно-голубым — тем самым цветом, которым светились ауры Сектантов. Казалось, что устройство было живым — оно гудело, вибрировало, издавало тихое, ритмичное постукивание, которое совпадало не с ударами сердца Кая, а с чем-то другим. Чем-то более глубоким и более древним.

— Это — «Резонатор Нулевой Фазы», — произнесла Ноль, останавливаясь рядом. — Или, как мы называем его проще, «Глушилка». Единственное в мире устройство, способное блокировать Тарификацию.

Кай подошёл ближе, рассматривая чудовищных размеров машину. Она излучала странное тепло — не физическое, а магическое. Он чувствовал его своей аурой: Глушилка создавала вокруг себя поле, которое было похоже на... отсутствие. Не на пустоту, как в Нулевом Квартале, а на тишину. Как будто сам фон, сам гул естественной маны здесь был не громче, а чище. Свободнее от помех.

— Как она работает? — спросил он, не в силах оторвать

взгляд от устройства.

Шёпот, вставший у одного из пультов управления, повернулся и ответил — медленно, тщательно подбирая слова, как человек, который привык объяснять сложные вещи неподготовленным слушателям:

— Система следит за магией не через глаза и не через уши. Она слушает эхо. Каждое заклинание — это колебание. Каждый расход маны — это вибрация. Тарификация — это сонар. Она посылает сигнал и ждёт ответа. Если ответ есть, она его фиксирует. Наша Глушилка не пытается заглушить сигнал и не пытается взломать протоколы. И то, и другое бесполезно — Система заметит атаку и ответит «Мёртвой головой». Вместо этого мы делаем другое. Мы меняем частоту твоей ауры.

— Меняете частоту? — переспросил Кай.

— Представь, что Система — это летучая мышь, — вмешалась Ноль. — Она летает в темноте и ищет добычу, испуская ультразвук. Обычный человек — это мотылёк. Его тело отражает звук, и мышь слышит его. Но что, если мотылёк научится вибрировать в противофазе? Его тело будет отражать звук так же, как всегда, но теперь отражённая волна будет гасить саму себя. Для мыши мотылёк просто исчезнет.

Не умрёт. Не улетит. А станет невидим.

Кай перевёл взгляд на устройство. Теперь, зная принцип, он начал понимать, как оно устроено. Медные катушки генерировали поле. Стеклянные сферы измеряли резонанс. Обсидиановые осколки — те самые, из которых была сделана Дверь в подzemелье Библиотеки, — служили якорями, удерживающими поле стабильным. А провода, расходящиеся по всей пещере, подключали к Глушилке каждого Сектанта, который хотел колдовать незаметно.

— И она работает? — спросил он, и в его голосе, несмотря на всё понимание, прозвучали нотки скептицизма. — Эта штука действительно может сделать тебя невидимым для Системы?

— Не меня, — поправила Ноль. — Любого, кто подключён к ней. Но Глушилка — это не портативное устройство. Она размером со стену. Она требует огромного количества энергии — не магической, а электрической, которую мы добываем из старых генераторов в технических туннелях. Ты не сможешь унести её с собой в Вышку.

— Тогда какой в ней толк? — спросил Кай, и его голос стал жёстче. — Если она остаётся здесь, а я должен идти туда, в ядро Системы, где каждый мой шаг будет под колпаком

Тарификации, — какой смысл был показывать мне всё это?

Ноль и Шёпот переглянулись. Затем Шёпот, без единого слова, подошёл к одному из шкафов, стоявших у стены, и вытащил оттуда небольшой предмет — размером с ладонь, завёрнутый в грубую ткань. Он положил его на стол перед Каем и развернул.

Внутри оказалось устройство, которое было миниатюрной копией Глушилки. Те же медные катушки, только крошечные. Те же обсидиановые осколки, только размером с ноготь. Та же стеклянная сфера, но теперь она умещалась в центре конструкции, окружённая кольцом из какого-то странного, переливающегося металла. Всё это было вмонтировано в основание, которое по форме и размеру идеально соответствовало разъёму для камеры в стандартном планшете Департамента.

— Мы сделали это для тебя, — сказал Шёпот тихо. — Мобильная версия. Она не такая мощная, как основная Глушилка. Она может работать не больше часа, максимум двух, и только в радиусе нескольких метров от твоей ауры. Но она работает. Она изменит твою частоту и сделает тебя невидимым для Тарификации.

Кай взял устройство в руки. Оно было тёплым на ощупь

— тем же теплом, что и свиток, что и сфера Архивариуса, что и чёрная лента Ноль. Теплом древней магии. Теплом надежды.

— Почему? — спросил он, поднимая глаза на Ноль. — Почему вы отдаёте это мне? Вы могли бы использовать его сами. Могли бы выйти на поверхность и...

— И что? — перебила Ноль. — И начать колдовать на улицах? Показать людям, что магия может быть свободной? Нас бы убили в первый же день. Не Коллекторы — обычные инквизиторы. Потому что Глушилка не делает тебя невидимым для глаз. Она не защищает от шокеров. Она не останавливает «Палачей». Она только отключает Тарификацию. А чтобы победить Систему, нужно не просто отключить Тарификацию — нужно изменить сам исходный код. Нужно активировать «Предохранитель». И это можешь сделать только ты. — Она помолчала и добавила тише: — Мы — нули. Мы не существуем. Мы не можем изменить мир. Мы можем только подготовить того, кто это сделает. Ты — этот человек. И это устройство — наш вклад в твою миссию.

Кай смотрел на неё и чувствовал, как внутри него нарастает странное чувство — смесь благодарности и тяжести. Каждый, кого он встречал на своём пути, давал ему что-то. Грегор — кинжал. Лина — знания. Шнырь — верность. Архива-

риус — сферу. Эпсилон — ключ-карту. А Ноль и её Сектанты — технологию, над которой они работали тридцать лет. И всё это ложилось на его плечи тяжёлым, почти невыносимым грузом. Грузом ожиданий. Грузом надежд. Грузом жизней, которые зависели от того, справится ли он.

— Как её активировать? — спросил он наконец, и его голос был спокойным и твёрдым.

Шёпот подошёл ближе и взял устройство из его рук.

— Нужно заменить стандартную камеру в твоём планшете на этот модуль. Фокус-линзу, которую я установил вчера, придётся снять — они несовместимы. Ты потеряешь аурное зрение, но получишь невидимость для Тарификации. — Он уже раскрывал корпус планшета своими быстрыми, точными пальцами. — Но есть ещё кое-что. Для того чтобы Глушилка заработала на твоей частоте, нужна калибровка. Нужна твоя кровь.

Кай не колебался. Он протянул левую руку — ту, на которой бинты были менее грязными, — и размотал их. Под ними была заживающая рана — след от ожога, полученного в бою с Ржавым. Кожа вокруг всё ещё была красной и воспалённой, но Кай не обратил на это внимания. Он взял кинжал Грегора, висевший на поясе, и сделал короткий, точный

надрез на ладони — там, где кожа была целой.

Кровь выступила мгновенно — тёмная, почти чёрная в тусклом свете мастерской. Но в аурном зрении, которое Кай всё ещё сохранял, она была золотой. Золотой свет «Предохранителя» пульсировал в каждой капле, смешиваясь с бледно-голубым светом фона. Он протянул руку к устройству, и несколько капель упали на стеклянную сферу в его центре.

В тот же миг вся мастерская наполнилась светом. Ослепительным, всепоглощающим, золотым. Кай зажмурился, но даже сквозь закрытые веки он видел, как его кровь впитывается в устройство, как обсидиановые осколки вспыхивают в ответ, как медные катушки начинают вращаться, подстраиваясь под частоту его ауры. Он чувствовал — не физически, а магически, — как его собственная суть соединяется с машиной. Как Глушилка становится частью его, а он — частью Глушилки. Это было похоже на то, что он испытывал с вирусом в планшете, но глубже. Интимнее. Как будто его аура обрела голос, которого у неё никогда не было, и теперь этот голос звучал в унисон с устройством.

Свечение погасло так же внезапно, как и появилось. Шёпот, шурясь, закончил установку модуля и защёлкнул корпус планшета. Экран мигнул и перезагрузился. Когда он снова включился, в левом верхнем углу, рядом с пульсирующей

шкалой Коэффициента Благонадёжности, появилась новая иконка — крошечный круг, перечёркнутый волнистой линией. Символ Глушилки. Символ невидимости.

— Готово, — сказал Шёпот, возвращая планшет Каю. — Теперь ты можешь колдовать незаметно. Но помни: час, максимум два. Потом модуль перегорит и станет бесполезным.

Кай взял планшет в руку — перевязанную, кровоточащую, — и почувствовал, как устройство внутри него тихо вибрирует. Он не знал, будет ли этого достаточно. Не знал, сработает ли Глушилка против Барьера Первого Слова. Не знал, успеет ли он добраться до ядра до того, как модуль перегорит. Но теперь у него был шанс. Реальный, осязаемый шанс, которого не было ни у кого до него.

— Теперь, — произнесла Ноль, и её голос, низкий и глубокий, разнёсся по мастерской, — пришло время показать тебе, ради чего всё это. Я сотворю заклинание. Не маленькое, не гомеопатическое, как учила моя мать. Настоящее заклинание. Третьего круга. И ты увидишь, как Система не заметит его.

Они вернулись в Алтарь. Огромная пещера с обсидиано-

выми стенами теперь казалась Каю ещё более величественной — потому что он знал, что сейчас здесь произойдёт нечто, чего никто не видел на поверхности последние двадцать, а может быть, и тридцать лет. Свободное, неавторизованное заклинание третьего круга — без штрафов, без дебаффов, без «Палачей» и без «Мёртвой головы». Если Глушилка сработает, это будет не просто демонстрация технологии — это будет акт магии в её первозданном, чистом виде. Таким, каким её задумывали Создатели.

Шёпот занял место у главного пульта управления, подсоединённого к Глушилке. Его пальцы, быстрые и точные, забегали по клавишам, тумблерам и сенсорам — странной смеси древней механики и новой электроники. Медные катушки на стене загудели громче, стеклянные сферы засветились ярче, а обсидиановые осколки начали издавать тихий, мелодичный звон — как будто само устройство настраивалось на нужную частоту.

Ноль вышла в центр пещеры. Её фигура, худая и прямая, в свете бледно-голубых сфер казалась бесплотной — как призрак, сошедший со старых гравюр. Она сняла с плеч свою верхнюю накидку и аккуратно сложила её на одном из каменных постаментов. Под накидкой оказалась простая серая одежда — ничего, что могло бы отвлекать или мешать. Её руки, покрытые шрамами и светящимися линиями, свободно

висели вдоль тела. Её слепая повязка была обращена вверх — не к потолку, а куда-то сквозь него, в ту самую пустоту, с которой она привыкла говорить.

Кай стоял у стены, рядом с Шёпотом, и сжимал планшет в руке. Экран показывал двойную картину: стандартный интерфейс Системы, наложенный на сырой анализ магических потоков. Золотая сеть Тарификации была спокойна — тонкая, едва заметная. Но он знал: стоит Ноль начать каст, и эта сеть взорвётся активностью. Или не взорвётся — если Глушилка сработает.

— Начинай, — произнёс Шёпот, нажимая последний тумблер.

И мир изменился.

Кай не слышал звука — он слышал его отсутствие. Давление, которое он привык ощущать каждой клеткой тела с тех пор, как ему выдали первый планшет, внезапно исчезло. Не полностью — оно всё ещё было где-то на периферии, как далёкий шум прибоя, — но в центре Алтаря, вокруг Ноль, образовалась зона абсолютной, кристальной тишины. Фон — естественная мана, текущая сквозь землю, — стал не громче и не ярче, а... свободнее. Как будто с него сняли слой грязи. Как будто он наконец-то мог дышать.

Ноль подняла руку. Её пальцы, длинные и тонкие, описали в воздухе плавную дугу, оставляя за собой след из бледно-голубого света. Она начала произносить Слова — на Языке Создателей, том самом, который Кай изучал всю ночь по Копии свитка. Её голос, низкий и глубокий, звучал как раскат далёкого грома, и каждое Слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами невидимой энергии.

Кай видел это — не глазами, а аурным зрением, которое всё ещё работало, хотя и слабее, чем раньше. Его кровь, впитанная Глушилкой, создала мост между ним и устройством, и теперь он мог наблюдать за тем, как магия Ноль разворачивается в пространстве. Это было похоже на цветок. Огромный, невообразимо сложный цветок, лепестки которого были сотканы из чистой маны — не золотой, не багровой, а бледно-голубой, переливающейся, живой. Каждое Слово, произнесённое Ноль, добавляло новый лепесток. Каждое движение её руки придавало ему форму.

А затем в центре Алтаря, прямо из воздуха, начало расти дерево.

Сначала — корни. Толстые, узловатые, они проступили сквозь каменный пол, как будто всегда были там, просто ждали момента, чтобы показаться. Они расползались во все

стороны, оплетая постаменты с приборами, огибая Глушил-ку, уходя в темноту. Затем — ствол. Он рос вверх, к сво-ду пещеры, становясь всё толще и выше, и на его коре, гру-бой и настоящей, проступали те же руны, которые Кай видел на свитке. И наконец — крона. Сотни, тысячи ветвей разо-шлись от ствола, и на каждой из них распустились листья — крошечные, светящиеся, как звёзды в миниатюре. Свет каждого листа был своего оттенка — от нежно-голубого до насыщенно-золотого, — и все они вместе создавали сияние, которое озарило Алтарь, как озаряет ночное небо Млечный Путь.

Запах. По пещере разлился запах — не озона, не гари, не той сладковатой гнили, которую источали «Плакальщики», а... жизни. Так пахнет земля после дождя. Так пахнут цветы на лугу — настоящие, не голографические. Так пахнет мир, который ещё не знал Системы.

Кай стоял, прижавшись спиной к каменной стене, и не мог дышать. Его глаза — физические, не аурные — были при-кованы к дереву. Оно было реальным. Не иллюзией, не голограммой, не временной магической проекцией. Оно бы-ло настоящим — таким же настоящим, как камни под нога-ми, как ржавые трубы коллекторов, как его собственное те-ло. Оно излучало тепло — мягкое, живое, — и в этом теп-ле была сила. Не та сила, которую можно измерить в кило-

ватт-часах маны и продать за кредиты. А другая. Более глубокая. Более древняя. Сила самого творения.

Он перевёл взгляд на планшет — и забыл, как дышать.

Ничего.

Шкала Коэффициента Благонадёжности не дёрнулась. Золотая сеть Тарификации на большом экране оставалась такой же тонкой и пассивной, как минуту назад. Ни одного уведомления. Ни одного штрафа. Ни одного предупреждения. Тишина. Полная, абсолютная, невозможная тишина.

Заклинание третьего круга — огромное, сложное, сотканное из чистой маны, — было сотворено в прямом эфире, на глазах у Системы. И Система его не увидела.

— Получилось, — прошептал Кай, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине Алтаря как чужой. — Получилось...

Он перевёл взгляд на Ноль. Она стояла у подножия дерева, положив ладонь на его ствол, и её лицо, обращённое к светящимся ветвям, было спокойным и умиротворённым. Впервые за всё время их знакомства Кай увидел на нём что-то, похожее на счастье. Не горечь. Не боль. Не решимость.

А тихое, глубокое, почти детское счастье человека, который спустя десятилетия разлуки наконец вернулся домой.

— Это то, чему учила меня мать, — произнесла она тихо, и её голос дрожал — не от слабости, а от переполнявших её эмоций. — Она говорила: «Магия — это не инструмент. Магия — это дар. И когда ты творишь, ты не используешь силу — ты благодаришь мир за то, что он позволяет тебе быть его частью». Я не могла творить так после её смерти. Не могла, пока Система следила за каждым моим движением. А теперь... — Она провела ладонью по коре, и дерево отозвалось — его листья зазвенели тихим, мелодичным звоном. — Теперь я снова могу.

Кай молчал. Он смотрел на неё — на эту странную, пугающую, бесконечно сильную женщину, — и чувствовал, как внутри него что-то меняется. Он пришёл сюда, в подземелье Сектантов, в поисках знания. В поисках технологии. В поисках оружия против Системы. Но то, что он увидел сейчас, было больше, чем знание. Это была... вера? Нет, не то слово. Доказательство. Доказательство того, что мир может быть другим. Что магия может быть свободной. Что Система уязвима.

— Ты плачешь, — сказала Ноль, не оборачиваясь.

Кай поднял руку к лицу. Пальцы стали мокрыми. Он не заметил, когда это началось.

— Это просто... — начал он, но слова застряли в горле.

— Я знаю. — Ноль наконец обернулась, и её слепая повязка, чёрная и поглощающая свет, уставилась прямо на него. — Ты видишь то, что твой отец пытался сохранить. То, что Архивариус пытается освободить, не понимая сути. То, что Система пытается убить. Ты видишь магию. Настоящую. Живую. Свободную. И ты понимаешь, ради чего стоит сражаться.

Кай вытер лицо рукавом куртки. Он не стыдился слёз — не перед ней, не здесь, не сейчас. Он просто удивился тому, как долго он их сдерживал.

— Я сделаю это, — сказал он, и его голос, несмотря на влажные глаза, был твёрдым и уверенным. — Я доберусь до ядра. Я пройду Барьер. Я активирую «Предохранитель». И я освобожу ману. Не для себя — для всех. Для тебя. Для Шёпота. Для Лины, Грегора, Шныря. Для моего отца. Для тех, кто ждёт.

Ноль кивнула.

— Я знаю. — Она помолчала. — Но сначала...

Она не успела закончить. Её аура — та самая, которую Кай видел своим новым зрением, — внезапно дрогнула. Золотой «камертон» в центре её существа, тот самый, который она называла «семенем», издал резкую, режущую вибрацию. Не звук — ощущение. Как будто сама ткань реальности задрожала от тревоги.

В тот же миг Шёпот вздрогнул и отдёргнул руки от пульта управления.

— Слишком долго, — произнёс он, и его голос, обычно спокойный и сухой, сейчас был напряжён. — Мы держали Глушилку активной слишком долго. Она... она почуяла.

Ноль резко оборвала заклинание. Дерево, ещё секунду назад полное жизни, исчезло — не постепенно, не медленно, а мгновенно, как лопнувший мыльный пузырь. Только сухие листья, несколько веток и запах озона остались на каменном полу, напоминая о том, что здесь только что произошло. Лампы в Алтаре мигнули и погасли на мгновение, погружая пещеру в полную темноту. Когда они зажглись снова, их свет был тусклым и холодным.

— Кто почуял? — спросил Кай, сжимая планшет в руке.

— Коллекторы, — ответила Ноль, и её голос, только что полный счастья, стал ледяным. — Мы предупреждали тебя, инквизитор. Долгое использование Глушилки привлекает их. Не сама магия — её отсутствие в отчётах Тарификации. Система знает, что мана тратится, но не видит кем. И тогда она посылает своих... уборщиков.

5

Стены Алтаря начали вибрировать. Не от звука — от магического резонанса, который расходился откуда-то из-за пределов пещеры, пронизывая камень, воздух и саму ткань реальности. Кай почувствовал это своей аурой раньше, чем телом. Фон — чистый, бледно-голубой, свободный от помех — начал меняться. Сначала на его периферии появилось что-то, похожее на грязное пятно. Маслянистое, переливающееся всеми цветами разложения — от багрового до гнилостно-зелёного, — оно расплзлось, как чернила на мокрой бумаге, отравляя естественные потоки маны. А затем пришёл холод.

Это был не обычный холод. Не тот, что бывает зимой или в неотапливаемых подвалах промзоны. Это был холод отсутствия. Холод пустоты, которая высасывала тепло из самого пространства, оставляя после себя только онемение и боль.

Кай видел, как на дальней стене пещеры, у входа в один из туннелей, проступает изморозь — сначала тонкая, едва заметная, а потом всё более густая, покрывающая обсидиан коркой льда.

А затем он увидел их.

Трое. Они не вошли в пещеру — они просочились сквозь скалу, как вода просачивается сквозь пористую породу. Их формы были... непостоянными. Кай не мог подобрать точного слова. Они не были похожи ни на людей, ни на зверей, ни на «Палачей» в чёрной броне. Скорее, они были сгустками. Сгустками пиксельной пыли, искажённых лиц, боли и голода. Их тела постоянно менялись: то вытягивались в длинные, змееподобные щупальца, то сжимались в плотные, пульсирующие шары, то распадались на рой крошечных частиц, которые, прежде чем собраться снова, издавали беззвучные крики — крики, которые Кай не слышал ушами, но ощущал каждой клеткой своего существа.

В аурном зрении они выглядели ещё страшнее. Они были пусты. Не как Ноль, которая отказалась от обычного зрения и взамен обрела глубинное понимание фона. Не как Сектанты, которые добровольно стали «нулями» и нашли в этом покой. А по-другому. Они были дырами. Зияниями в ткани магии, через которые сочилась не просто пустота, а... го-

лод? Нет. Нечто более фундаментальное. Они были ошибкой. Сбоем. Тем, что осталось от людей, которых Система когда-то дематериализовала, но не смогла утилизировать до конца. Их ауры не были аурами — они были шрамами на теле реальности, которые никогда не заживали.

«Коллекторы», — понял Кай, и по его спине пробежал холодок, сравнимый лишь с тем холодом, что распространяли эти существа. Сектанты предупреждали его. Долгое использование Глушилки создавало не просто тишину в отчётах Тарификации, а зияющую статистическую аномалию — разрыв между количеством потраченной маны и количеством зафиксированных киловатт-часов. Система не могла найти нарушителя, не могла выписать штраф, не могла наложить дебафф — и тогда она посылала их. Не инквизиторов. Не «Палачей». А эти существа — последний, самый грязный инструмент восстановления порядка.

Их цель была не в том, чтобы арестовать. Не в том, чтобы покарать. Их цель была... поглотить. Высосать любую ману в зоне аномалии — будь то нарушитель, случайный прохожий или сама земля, — до тех пор, пока баланс не будет восстановлен. Пока дыра в статистике не закроется.

— Сколько у нас времени? — спросил Кай, не отрывая взгляда от приближающихся существ.

— Минуты, — ответила Ноль. — Может быть, меньше.

Она повернулась к Шёпоту и отдала несколько быстрых, отрывистых приказов на языке, которого Кай не понимал. Шёпот кивнул и бросился к пульту управления, его пальцы забегали по клавишам с утроенной скоростью. Где-то в глубине пещеры загудели генераторы. Медные катушки на стене заискрились, а стеклянные сферы вращались быстрее. Глушилка всё ещё работала — но теперь она не скрывала их, а, наоборот, излучала мощный, направленный сигнал, который, как надеялся Кай, мог сбить Коллекторов с толку.

Но этого было недостаточно. Существа продолжали приближаться. Одно из них — то, что было ближе всех, — вытянуло из своей бесформенной массы длинное, тонкое щупальце, которое коснулось каменного пола, и камень в этом месте мгновенно покрылся паутиной трещин, а затем рассыпался в пыль. Пыль эта, светящаяся слабым, умирающим светом, была всосана в щупальце и исчезла в нём без следа. Коллектор поглотил ману, которая ещё оставалась в камне.

Кай отступил на шаг, сжимая кинжал Грегора. Он знал, что холодное оружие здесь бесполезно. Этих существ нельзя было ранить — они не были живыми в обычном смысле слова. Но инстинкт, выработанный годами патрулей, не поз-

волял ему стоять на месте без оружия в руках.

— Твой свиток, — произнесла Ноль, и её голос, несмотря на напряжение, был спокойным и твёрдым. — Отдай его мне. Сейчас. Я обещала, что изучу его и сохраню знание для тех, кто придёт после тебя. У нас больше не будет времени. Ты уйдёшь в Вышку сейчас — и, возможно, никогда не вернёшься. Если ты не оставишь свиток здесь, если ты унесёшь его с собой и погибнешь, знание исчезнет навсегда.

Кай колебался. Золотой Свиток — единственный ключ, который у него был. Единственный способ активировать «Предохранитель». Отдать его сейчас, перед лицом опасности, перед тем, как он войдёт в ядро Системы, — это казалось безумием. Но он понимал, что Ноль права. Он мог погибнуть. Мог не дойти. Мог не справиться. И тогда всё — его путь, его жертвы, его обещание отцу, — обратится в прах. А знание, которое хранилось в свитке, должно было выжить. Должно было перейти к другим — к тем, кто, возможно, сможет завершить начатое, если он потерпит неудачу.

Он расстегнул кобуру на плече и вытащил Золотой Свиток. Пергамент, тёплый и пульсирующий, светился тем же светом, что и дерево, которое только что сотворила Ноль. Кай провёл по нему ладонью — в последний раз, — и протянул ей.

— Сохрани его, — сказал он, и его голос, перекрывая гул Глушилки и вибрацию стен, прозвучал твёрдо. — И если я не вернусь... передай его тем, кто сможет.

Ноль взяла свиток. Её пальцы, покрытые шрамами и светящимися линиями, сомкнулись на пергаменте с той же бережностью, с какой она держала своё семя. Её аура, видимая Каю, на мгновение вспыхнула золотым светом — как будто свиток и семя узнали друг друга.

— Я сохраню, — сказала она. — Клянусь.

И в этот момент один из Коллекторов издал звук. Не крик — эти существа не могли кричать. Это был даже не звук, а... волна. Волна холода и пустоты, которая прошла сквозь Кая, заставив его сердце замереть на мгновение, а лёгкие — сжаться в спазме. Он покачнулся, хватая ртом воздух, и упал на одно колено, опираясь на кинжал. Перед глазами заплесали золотые пятна.

Шёпот, всё ещё стоявший у пульта, нажал какой-то рычаг, и Глушилка издала оглушительный, низкий гул. Стены пещеры содрогнулись. Одна из стеклянных сфер на стене лопнула, осыпав пол осколками. Вторую покрыла паутина трещин. Но существа, приближавшиеся к центру Алтаря,

на мгновение замерли — как будто сигнал, излучаемый Глушилкой, дезориентировал их.

— Беги, — произнесла Ноль, и её голос, сорванный и жёсткий, резанул по ушам Кая. — Сейчас. Через тот туннель. — Она указала на узкий проход в дальнем конце пещеры, который Кай не заметил раньше. — Он ведёт к техническим коридорам. По ним ты доберёшься до фундамента Вышки. Шёпот показывал тебе карту. Иди. Мы задержим их.

Кай поднялся на ноги — колени дрожали, раненое плечо пульсировало болью, — и посмотрел на Ноль. Она стояла между ним и Коллекторами, в центре пещеры, выпрямившись во весь свой невысокий рост. Её руки, только что державшие Золотой Свиток, теперь были подняты, а с пальцев срывались бледно-голубые искры — она снова готовилась творить заклинание, зная, что на этот раз Глушилка не скроет её. Зная, что Система зафиксирует каждое движение. Зная, что это может стоить ей жизни.

— А вы? — спросил Кай, и его голос сорвался.

— Мы — нули, — ответила Ноль, и в её голосе, впервые за всё время, прозвучала не горечь, а гордость. — Мы не существуем. Нас нельзя убить. А тебе надо жить, инквизитор. Ты — не ноль. Ты — единица. Та единственная, которая мо-

жет изменить уравнение. Иди.

Шёпот, оставив пульт, подошёл к ней и встал рядом. В его руках был не артефакт, не оружие, а простой металлический прут — но он держал его так, как держат шокер. Его лицо, скрытое капюшоном, было спокойным и сосредоточенным. Он не собирался бежать.

— Я открою тебе ворота в туннель, — сказал он, не оборачиваясь. — Код: 7-Альфа-4-Омега. Запомни. Дальше иди прямо, не сворачивая, пока не упрёшься в гермодверь. За ней — зона Вышки. Дальше сам.

Кай сжал зубы. Он хотел остаться, помочь им, сражаться рядом. Но он знал, что не имеет права. Слишком много людей отдали всё, чтобы он стоял здесь, с планшетом в одной руке и кинжалом в другой. Слишком многие верили в него. Он не мог подвести их.

Он повернулся и побежал к туннелю. Его шаги, гулкие и одинокие, эхом разносились по пещере, заглушаемые вибрацией Глушилки и беззвучными криками Коллекторов. У входа в туннель он на мгновение обернулся и увидел, как Ноль, стоя в центре Алтаря, вскидывает руки к своду, и с её пальцев срывается волна бледно-голубого света — не заклинание, не атака, а защита. Стена света, которая отгородила

её и Шёпота от наступающих существ.

Существа ударили в эту стену, и Кай слышал — или почувствовал, — как сама магия застонала от напряжения. Стена задрожала, но выдержала. Ноль стояла, не шелохнувшись, и продолжала поддерживать заклинание. Её аура, видимая Каю, горела с невероятной, ослепительной яркостью — как звезда, которая доживает последние мгновения перед взрывом.

Кай отвернулся и шагнул в темноту туннеля.

Сзади, в Алтаре, разгоралась битва — битва между теми, кто выбрал пустоту как свободу, и теми, кого Система сделала пустыми без их выбора. Битва, в которой Кай не мог участвовать, но исход которой — он знал это — будет зависеть от него. От того, справится ли он. От того, доберётся ли он до ядра. От того, активирует ли он «Предохранитель».

Он бежал по узкому туннелю, сжимая в одной руке планшет, а в другой — кинжал, и его шаги, гулкие и одинокие, эхом разносились под сводами технических коридоров, которые вели к Вышке. Сзади оставался Алтарь, Глушилка, Ноль, Шёпот и трое существ, которые не должны были существовать. Впереди был Барьер. И ядро. И ответ на вопрос, который он задал себе ещё там, в Разломе.

«Что ты готов отдать?»

Он знал ответ.

И он шёл вперёд.

— —

КОНЕЦ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГЛАВЫ

Глава 2: Лицензия на жизнь

1

Тишина в техническом коридоре была не просто отсутствием звука — она была физической субстанцией, густой и вязкой, как машинное масло, стекающее по ржавым трубам. Кай бежал, не разбирая дороги, и каждый его шаг отдавался глухим эхом в пустоте, которое, казалось, преследовало его, догоняло, настигало. Стены туннеля — грубый, неотёсанный камень, сменявшийся ржавыми металлическими листами, — проносились мимо смазанными полосами. Воздух был спёртым и влажным, пах плесенью, озоном и чем-то ещё — тем самым сладковатым, приторным запахом, который он почувствовал впервые в Нулевом Квартале. Запахом разлагающейся магии. Запахом Коллекторов.

Он остановился только тогда, когда лёгкие начало жечь, а перед глазами поплыли красные пятна. Прислонившись спиной к холодной, покрытой конденсатом стене, он сполз на корточки и попытался отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, пульсируя в такт боли в раненом плече. Перевязанная ладонь, которую он рассёк для калибровки Глушилки, снова кровоточила, и тёмные капли, срываясь с пальцев, падали на каменный пол, смешиваясь с вековой пылью.

Он закрыл глаза и попытался восстановить в памяти карту, которую показывал ему Шёпот. Технические туннели под Вышкой представляли собой лабиринт, построенный ещё до Войны Интеграции и забытый всеми, кроме Сектантов. Где-то впереди должна была быть развилка. Если он правильно помнил, правый коридор вёл к старой вентиляционной шахте, которая выходила прямо к подвальным уровням Центрального Узла. Левый — тупик, заваленный обломками ещё в первую калибровку Системы. Ошибиться означало потерять драгоценные минуты, которых у него и так почти не осталось.

Он открыл глаза и посмотрел на планшет. Экран светился тусклым, мертвенным светом, и в его левом верхнем углу пульсировала шкала Коэффициента Благонадёжности: «-2,9». Рядом с ней горела новая иконка — крошечный круг, перечёркнутый волнистой линией. Символ Глушилки. Символ невидимости. Модуль, установленный Шёпотом, пока работал, но Кай чувствовал — своей аурой, тем новым чувством, которое пробудилось в резонаторе, — что его заряд не бесконечен. Час. Может быть, два. Не больше.

Он перевёл взгляд на левую руку. Бинты, покрывавшие ладонь, пропитались кровью и потемнели. Кровь, которую он пролил для калибровки, была не просто жидкостью — она

была ключом. Его собственная мана, его собственная суть, впитавшаяся в кристаллы Глушилки, создала мост между ним и устройством. Он всё ещё чувствовал это — слабое, едва заметное покалывание в висках, похожее на то, которое вызывал вирус, но более глубокое. Более интимное. Как будто сама машина стала частью его тела, а его тело — частью машины.

Он попытался вызвать аурное зрение — то самое, которое дала ему фокус-линза, — но увидел лишь слабые, едва различимые тени. Замена модуля лишила его этой способности. Теперь он мог полагаться только на обычное зрение, слух и инстинкт. И на Глушилку, которая делала его невидимым для Тарификации, но не для глаз.

И ещё — на Золотой Свиток.

Он расстегнул кобуру на плече и вытащил его. Свиток был тёплым, пульсирующим, живым. Его золотой свет, казалось, стал ярче после того, как Ноль считала с него информацию. Или, может быть, это просто чудилось Каю — его сознание, измученное усталостью и болью, было готово видеть знаки во всём. Он провёл ладонью по пергаменту, чувствуя, как символы на его поверхности — не буквы, не руны, а что-то другое, — отзываются на прикосновение. Они пульсировали, менялись, перетекали друг в друга, создавая причудли-

вые узоры, которые он теперь почти понимал.

Почти.

Ночь, проведённая над Копией свитка, не прошла даром. Он выучил руны. Выучил Слова, которые нужно было произнести перед Барьером. Выучил последовательность жестов, которая настраивала ауру на частоту ядра. Но между знанием и пониманием всё ещё лежала пропасть. Он знал, что нужно сделать. Но он не до конца понимал, почему это работает — и какой ценой.

Он убрал свиток обратно в кобуру и поднялся на ноги. Колени дрожали. Мышцы ныли. Но он не мог позволить себе отдых. Где-то позади, в Алтаре, Ноль и Шёпот сражались с Коллекторами — тремя существами, которые были не просто монстрами, а чем-то гораздо более страшным. Чем-то, что Кай пока не мог осмыслить. Чем-то, о чём ему ещё предстояло узнать.

Он двинулся дальше, в темноту.

2

Развилка, когда он добрался до неё, выглядела именно так, как на карте Шёпота. Два коридора расходились под ост-

рым углом, образуя букву «V». Правый был шире и, кажется, лучше сохранился — его стены были укреплены ржавыми металлическими балками, а на потолке ещё теплилась одинокая лампа аварийного освещения, бросавшая на пол тусклый, мертвенный свет. Левый был уже, темнее, и из него тянуло сыростью и холодом — тем самым холодом, который Кай уже чувствовал в Алтаре перед появлением Коллекторов.

Он сделал шаг к правому коридору, но остановился. Что-то было не так. Инстинкт — тот самый, который выработался у него за годы патрулей по самым опасным районам Воронки, — кричал ему, что впереди опасность. Не физическая — он не видел врагов и не слышал шагов. Но его аура, даже ослабленная заменой модуля, чувствовала что-то. Какую-то вибрацию. Какой-то холод, который расползлся из правого коридора, как невидимый туман.

Он отступил на шаг и прижался спиной к стене. Сердце заколотилось быстрее. Рука сама скользнула к поясу и сжала рукоять кинжала. Холод металла отрезвлял. Он ждал, стараясь дышать как можно тише.

Прошла минута. Другая. Тишина. Только капли воды, срывающиеся с потолка, нарушали её монотонным, гипнотическим ритмом.

А затем он увидел его.

Существо выплыло из правого коридора — не вышло, не выбежало, а именно выплыло, как облако дыма, которое двигалось против ветра. Оно было меньше тех троих, что атаковали Алтарь, — размером с крупную собаку, — и его форма была более стабильной. Почти гуманоидной. У него были руки — длинные, тонкие, заканчивающиеся не пальцами, а пучками светящихся нитей, — и ноги, которые, казалось, не касались пола. Его голова — или то, что было на месте головы, — была похожа на разбитый стеклянный шар, внутри которого пульсировал сгусток багрового света. И от него исходил тот самый сладковатый, приторный запах — запах разлагающейся магии, смешанный с чем-то ещё. Чем-то, отчего у Кая зашевелились волосы на затылке.

Коллектор.

Он был один — по крайней мере, Кай не видел других. Но он был здесь, в нескольких десятках метров, и он, кажется, не замечал Кая. Его голова-шар медленно вращалась, сканируя пространство. Светящиеся нити на концах его рук-щупалец подрагивали, словно принюхиваясь. Он искал что-то. Или кого-то.

Кай замер, стараясь не дышать. Глушилка, встроенная в его планшет, всё ещё работала — он чувствовал это по слабому теплу, исходявшему от устройства. Если она действительно делала его невидимым для Тарификации, возможно, она делала его невидимым и для Коллекторов. Но он не был уверен. Он не знал точно, как эти существа находили свои жертвы. Может быть, они, как и Система, ориентировались на эхо магии. А может быть, у них были другие способы — более древние, более примитивные, — которые не зависели от протоколов.

Существо остановилось. Его голова-шар замерла, уставившись прямо на Кая. Багровый свет внутри неё запульсировал быстрее. Светящиеся нити на концах его рук вытянулись, став длиннее и тоньше, и начали описывать в воздухе плавные, почти гипнотические круги.

Кай сжал кинжал крепче. Он знал, что холодное оружие против такого противника почти бесполезно. Но он также знал, что бежать бессмысленно — если Коллектор заметил его, он догонит его в два счёта. Оставалось только одно: стоять на месте и надеяться, что Глушилка сработает.

Существо сделало шаг к нему. Потом ещё один. Его движения были плавными и текучими, как у медузы, плывущей в толще воды. Оно приближалось медленно, почти нереши-

тельно, словно не было уверено, что перед ним — добыча. Кай видел его всё ближе и ближе, и с каждым шагом его сердце колотилось всё сильнее. Он различал уже детали: трещины на поверхности стеклянного шара-головы; нити, из которых состояли его руки, — тонкие, переливающиеся, как оптическое волокно; багровый свет, пульсирующий в его центре, — не сердце, не мозг, а что-то другое. Что-то, похожее на... ядро? Накопитель?

И в этот момент его аурное зрение, ослабленное и почти угасшее, на мгновение вспыхнуло с новой силой. Как будто сама Глушилка, почувствовав близость угрозы, перенаправила энергию на сенсоры. И Кай увидел то, чего не видел раньше.

За багровым светом, за пиксельной рябью, за бесформенной массой, которая была телом Коллектора, скрывалось нечто иное. Тонкий, едва заметный отпечаток. Слепок. Словно тень, отброшенная давно угасшим пламенем. Это была аура. Человеческая аура, искажённая до неузнаваемости, но всё ещё хранящая следы личности, которой больше не существовало.

Кай замер. Дыхание перехватило. Он смотрел на этот слепок и чувствовал, как внутри него разрастается холод — не тот, который излучал Коллектор, а другой. Холод осознания.

Холод ужаса.

Потому что он узнал эту ауру.

Это была женщина. Пожилая, усталая, сторбленная годами и тяжёлой работой. Её аура, даже искажённая и почти стёртая, хранила отпечаток её сущности: заботу, тепло, терпение. Она любила кого-то. Ждала кого-то. Варила суп на старой плите, нарушала протоколы, получала штрафы. А потом её Коэффициент упал до нуля, и Система... Система сделала с ней то, что делала со всеми, кто не мог заплатить.

Тётушка Мара.

Кай попятился назад, не в силах оторвать взгляда от существа. Его спина упёрлась в холодную стену. Пальцы, сжимавшие кинжал, побелели от напряжения. В горле встал ком, который он не мог проглотить. Тётушка Мара. Та самая старуха, которой он выписал штраф за неавторизованный подогрев супа. Та самая, чей Коэффициент упал до критической отметки. Та самая, которую он — он сам, своими руками, — отправил в изолятор, а потом забыл о ней, как забывал о сотнях других.

И вот она стояла перед ним. Вернее, то, что от неё осталось.

— Нет, — прошептал он, и его голос, сорванный и хриплый, прозвучал в тишине коридора как чужой. — Нет... этого не может быть...

Существо — тётушка Мара, бывшая тётушка Мара, — остановилось в нескольких шагах от него. Его голова-шар склонилась набок, и на мгновение Каю показалось, что он видит в её глубине что-то знакомое. Что-то, похожее на... узнавание? Или это была просто игра света, отражение его собственных страхов?

— Ты... — прошелестело существо, и его голос — если это можно было назвать голосом — был похож на шум помех в старом радиоприёмнике. — Ты... ин-кви-зи-тор...

Кай вздрогнул. Оно говорило. Или, точнее, оно воспроизводило звуки, которые когда-то слышало. Обрывки слов. Фрагменты воспоминаний. Эхо личности, которая давно исчезла, но оставила след в этом пустом, голодном теле.

— Ты... приходил... ко мне... — продолжало существо, и его светящиеся нити-пальцы потянулись к Каю. — Ты... выписал... штраф... Я... не могла... заплатить...

Кай не мог пошевелиться. Он стоял, прижавшись спиной

к стене, и смотрел, как существо приближается. Его разум кричал ему: «Беги! Сражайся! Сделай хоть что-нибудь!». Но его тело не слушалось. Как будто сам вес его вины — вины за тётушку Мару, за Ларса, за сотни других, — приковал его к месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.